

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Бодруновой Светланы Сергеевны
«Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических
обществах», представленную на соискание ученой степени доктора
политических наук по специальности 10.01.10 – журналистика (СПб, 2015)

Диссертационное исследование Бодруновой Светланы Сергеевны посвящено крайне сложному и динамичному социально-политическому явлению – медиакратии. Перед нами многолетняя работа, отличающаяся теоретической и практической значимостью.

Актуальность данной диссертации очевидна. Автор всесторонне и последовательно с помощью различных теоретико-методологических подходов анализирует процесс взаимодействия двух социальных подсистем – политики и медиа – в контексте демократического развития современных национальных государств в условиях глобализации. Говоря о медиакратии, необходимо учитывать, что политический контекст медиасистем формирует государство как владелец, как регулятор, как основатель СМИ. Это означает, что корни медиакратии – в различиях между ролями государства в обществе.

Сегодня мы являемся свидетелями того, как медиакратия становится неотъемлемой частью мирового политического процесса и отражает особенности современного управления обществом, в котором конструктивные технологии информационного воздействия сочетаются с манипуляцией общественным сознанием, созданием меню предпочтений и навязываемых политическими акторами вариантов политического поведения. Способствует этому значительная монополизация СМИ, прежде всего, телевидения. Крупнейшие медиа-корпорации сконцентрировали в своих руках сотни газет, студий, телеканалов и интернет-ресурсов. Например, только 5 крупнейших корпораций контролируют в совокупности

80% медиарынка США - от книжных издательств до Голливуда, формирующего «правильную» картину мира не только в США, но и за их пределами. Стоит отметить, что это корпорации глобальные, то есть они контролируют медиапространство не только США, но и всего Запада в целом.

Таким образом, актуальность темы определяется современным состоянием мировой политики, взаимоотношениями политических акторов и тем инструментарием, который ими используется для достижения своих целей как на национальном, так и на транснациональном уровнях. Конечно, со стороны автора диссертации ограничение хронологических рамок своего исследования допустимо в связи с необходимостью обработки и анализа эмпирического материала, но мы не можем не отметить, что «лакмусовой бумажкой», определяющей сверхактуальность обращения к теме медиакратии, стали информационные операции, проводимые в связи с событиями, происходящими на Украине. Эти события показали несостоенность определения медиасистем по различиям в разных правовых системах. Мы стали свидетелями беспрецедентного нарушения свободы слова в демократических государствах в освещении украинских событий, референдума в Крыму, когда вся политическая элита Европы не могла определиться с собственной позицией в отношении России. СМИ Европы должны были оказать помощь политической элите, предоставив ей всеобъемлющую информацию. Однако вместо этого под давлением ключевого игрока мировой политики США они занялись пропагандистской деятельностью и трансляцией лишь определенной направленности информационных сообщений. Все это позволяет сделать вывод: формируется информационная стратегия по манипулированию международными процессами посредством формирования у общественности через СМИ информационного положительного или отрицательного отношения к внешней или внутренней политики государства или блока государств. Именно такая информационная структура и рождает

медиакратию, делая ее неотъемлемой частью и атрибутом современного мирового политического процесса.

Оценивая представленное диссертационное исследование, отметим, что объектно-предметная область диссертационной работы охватывает процессы медиаполитического взаимодействия в современных медиатизированных демократических политиях и способы их оценки в сравнительной перспективе.

Научная новизна диссертации выражается в разработке концепции медиакратии, определении причин и следствий искажений медиадемократического идеала через механизмы медиакратизации, а также в обосновании и раскрытии концепции *медиаполитического взаимодействия как предмета исследования в медиаполитологии*, в отличие от политической коммуникации (для политической коммуникативистики) и политической журналистики (для политической медиалогии / политологии журналистики).

Остановимся на некоторых моментах, которые представляют, на наш взгляд, наибольший интерес с точки зрения новизны и оригинальности идей и подходов.

В первой главе «Медиаполитическое взаимодействие: теории и методы анализа. Медиакратия как «зонтичная» медиаполитологическая концепция» подводя итоги научной дискуссии о транснациональной медиакратии, автор обозначает свою позицию и утверждает, что медиакратия – это не совокупность медиасистем и даже не совокупность медиасистемы и еще чего-либо, а особый тип политического режима. (с.146). Вслед за некоторыми исследователями автор считает медиакратические механизмы формирования «единодушного согласия» даже более опасными, чем пропагандистскую машину тоталитаризма, поскольку медиакратия может перекодировать и разрушить политическую культуру демократий, что в свою очередь чревато для всей политической системы.

Глобальная политическая медиакультура «довольно агрессивно накладывает свои структуры на сложившиеся культурно-политические разновидности демократических режимов», что снижает их национальное своеобразие (с.146). Результат исследований говорит о том, что, несмотря на существенные культурно-исторические и социетальные различия медиакратизация стран западной демократии, а также России, Украины, Польши, Венгрии идет примерно по одной и той же логике и траектории, различаясь, только скоростью и интенсивностью. В этом смысле медиакратизация действительно является глобальной «болезнью», которая поражает государства с демократическими или переходно-демократическими политическими режимами, вступившими в эпоху сатурации медиапотребления.

Диссертант на основе большого списка репрезентативной научной литературы делает акцент на высказывании известного исследователя британской политической коммуникации Дэвида Миллера о феномене медиаполитического взаимодействия, который представляет, с его точки зрения, угрозу демократии и выступает симптомом кризиса демократических систем атлантической цивилизации. По его мнению, рост медиакратического срашивания СМИ и политики вытекает из необходимости продать политическое решение, не базирующееся на популярности среди избирателей. То есть, по мнению автора, демократическая система рушится, и ответственны за это не только СМИ. В целом медиакратические тенденции являются и следствием и результатом «системного сбоя» демократии, проявляющиеся в полной дезориентации политической системы.

Выход автор видит в «возвращении диалога», в политическом просвещении и медиаобразовании для повышения осознания индивидом своих политических и социальных интересов, а также уровня критичности при медиапотреблении (с.170). По мнению автора, механизмы вовлечения людей в дискуссию о собственном будущем крайне важны в строительстве

демократии; не менее важна и другая предпосылка демократии – высокая информированность граждан, совершающих социальный выбор. Одним из таких механизмов является механизм социальной коммуникации. То есть развитие демократии ставится в прямую зависимость от развития публичной сферы, без которой невозможно полноценное функционирование демократического режима (с.184). Однако, например, европейский опыт строительства публичной сферы практически с нуля показывает в том числе ограниченность медийных возможностей по созданию общей публичной сферы на многоязычном и мультикультурном географическом ареале. Автор связывает неудачу Европы в строительстве общей дискуссионной сферы с тем, что медиа Европы не преуспели в трансляции ценностей единой евроидентичности и с тем, что Европа пока не сформировала единого демоса (европейцев), который в любой демократии и должен быть источником власти (с.333).

В диссертации также поднимается проблема отношения к медиакратии как к глобальному феномену. Делается вывод, что глобальная политическая медиакультура довольно агрессивно накладывает свои структуры на сложившиеся культурно-политические разновидности демократических режимов, что снижает их национальное своеобразие. Действительно, глобализация привела к появлению целого ряда новых проблем для демократии, которая исторически ассоциировалась с национальным государством. Основная проблема заключается в том, что структура власти и основные вопросы выживания тесно связаны с глобальным контекстом, в то время как участие представительства и легитимность зафиксированы на государственном уровне. Поэтому многие исследователи возлагают надежды на формирующееся глобальное гражданское общество и его атрибут – глобальное публичное пространство в решении этой демократической проблемы. Конечно, дальнейшая эволюция политических форм управления в условиях глобализации наталкивается на одну и ту же проблему: необходимо найти публичное пространство, где был

бы дан ответ на вопрос, как раскрыть или сконструировать то, что Р.Кокс назвал «над-межсубъектностью», одной из возможных моделей для будущего постгегемонистского мирового порядка.

Хотелось бы отметить, что изложение материала диссертационного исследования достаточно характерно показывает авторский подчерк логически выверенной проработки поставленных задач. Например, на с. 69 диссертации выделены три элемента структурного «каркаса»: политическая система (во взаимодействии с медийной), медиасистема (во взаимодействии с политической), медиаполитическая общественность/ аудитория (определенная как совокупность граждан – без уточнений). Однако, известно, что современная политическая теория, рассматривая концепт демократии, подчеркивает ключевую роль гражданского общества в социально-политической интеракции. Автор же сначала опирается на концепции, которые лишь касаются данного концепта, оперируя более неструктуризованными понятиями в виде «граждане» (с.70-71), но уже чуть позже выходит на позицию взгляда на медиаполитическую аудиторию как на коллективного актора, используя термины «политическое сообщество» или «политическую общность». И, наконец, на с. 73 автор определяет *медиаполитическую аудиторию как политическое общество*, вовлеченное в процесс медиапотребления.

Основные выводы и рекомендации, содержащиеся в диссертации, отличаются научной обоснованностью и достоверностью. Автор опирается на солидную фундаментальную теоретическую базу и основывается на выводах, содержащихся в научной зарубежной и отечественной литературе по политологии, социологии, управлению, теории медиа, медиаполитологии и др. Активно использованное автором большое число научных зарубежных источников делает работу очень ценной для российской гуманитарной науки.

Основные положения диссертационной работы С.С.Бодруновой достаточно полно отражены в 2-х монографиях «Современные стратегии

британской политической коммуникации» и «Медиакратия: современные теории и практики». К иным публикациям относятся 17 статей в изданиях, рецензируемых Высшей аттестационной комиссией РФ, восемь англоязычных публикаций, изданных в Великобритании, Германии, США, Турции, России (в том числе две подлежащие индексации в международной научометрической базе Web of Science), а также более 20 других работ.

Анализируя содержание диссертационной работы, можно сказать, что основные положения, рекомендации и выводы С.С.Бодруновой убедительны, обоснованы и подробно аргументированы. Автореферат диссертации раскрывает ее основные положения и соответствует требованиям, предъявляемым Положением о порядке присуждения ученых степеней.

Несмотря на общую высокую оценку представленного С.С.Бодруновой исследования, следует отметить и ряд присущих ей недостатков и спорных моментов:

1. На наш взгляд раздел «Актуальность исследования» слишком перегружен (с.3-14). Часть этого раздела было бы правомерно перенести в 1 главу, где рассматриваются теоретико-методологические подходы.
2. Не совсем корректно, на наш взгляд, во Введении сформулированы цели и задачи исследования. Речь должна идти о результате исследования, а не о процессе: «описать», «выбрать», «проанализировать», «показать на примерах», «предложить методику», «провести сравнительный анализ» и т.д.
3. Описывая методологическую базу исследования, автор утверждает, что теоретические фрагменты работы базируются на общенаучных методах (анализ, синтез, сопоставление, сравнение); на методе системного анализа для гуманитарных наук (с.22). В то же время эмпирическая часть работы основывается на методах (ситуационный анализ, реконструкция, фрейм-анализ, кейс-стади) и т.д. На наш взгляд методологическая база должна определять не только теоретическую часть исследования, но и практическую. Хотелось бы уточнить, как автор видит взаимодействие этих уровней?

4. Обосновывая методологию исследования, С.С.Бодрунова акцентировала внимание на многих общенациональных подходах, но возможно, стоило уделить особое внимание и институциональному подходу и использовать элементы неоинституционального подхода, поскольку это позволило бы выйти за пределы формальных механизмов политических коммуникаций и дать оценку деятельности таких субъектов как общественные объединения, группы интересов и др. Тем более, что автор обращается к проблеме наличия противоречий между процессом глобализации и национально-/регионально-особенных характеристик социальных процессов (с.7).
5. На защиту вынесено 17 основных положений. Достаточно сложно проследить степень выполнения всех заявленных положений. На наш взгляд необходимо было более плотно сгруппировать и более четко сделать акценты на ключевых положениях.
6. Во Введении нет раздела теоретической и практической значимости работы, которая необходима в соответствии с новым национальным стандартом ГОСТ Р 7.0.11-2011 «Диссертация и автореферат диссертации. Структура и правила оформления».
7. В Заключении диссертации, на наш взгляд, недостаточно четко изложены выводы, сделанные автором, не прописаны рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы. Стилистика Заключения имеет выраженный публицистический характер. Например, автор пишет: «этот относительно долгий путь пока привел только к несовершенным попыткам доказать, что...». Далее: «Мы пытались выстроить исследование если не на базе, то с оглядкой на системно-теоретические подходы в современных социальных и гуманитарных науках. Нашим наибольшим разочарованием остается отсутствие в современной мировой медиалогии четкого понимания и т.д.» (с.391) «Мы еще не утратили надежду принести данной работой практическую пользу и т.д.» (с.393). Конечно, очень приятно, что диссертант благодарит в Заключении всех своих коллег по совместной работе, но этот

жанр больше подходит для монографии, а не диссертационного исследования.

Однако перечисленные замечания не снижают общей высокой оценки представленной к защите диссертации и носят дискуссионный характер. Диссертация является оригинальным и самостоятельным исследованием. Задачи, решенные диссидентом, имеют существенное значение для развития науки. В целом диссертация С.С.Бодруновой представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует всем требованиям, установленным для докторских диссертаций в пунктах 9-11 «Положения о присуждении ученых степеней» Постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. №842, а ее автор - Бодрунова Светлана Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени доктора политических наук по специальности 10.01.10 – журналистика.

доктор политических наук (23.00.04),
доцент, профессор
кафедры политологии
ФГБОУ ВПО
«Российский государственный
педагогический университет
им.А.И.Герцена» (РГПУ им.А.И.Герцена)
e-mail lgaynutdina@list.ru

08.06.2015

Л.А.Гайнутдинова